ЛитРес:

Андрей ДЫШЕВ

ЖЕНАТ на СОБСТВЕННОЙ СМЕРТИ

ЭКСТРИМ-ДЕТЕКТИВ

Андрей Михайлович Дышев
Женат на собственной смерти
Серия «Экстрим-детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6664914
Женат на собственной смерти: Эксмо;

Аннотация

Это состязание напоминает популярное телешоу «Последний герой». Но с некоторыми отличиями: участникам надо выжить не на тропическом острове, а на мелких островах северного озера России. Пять островов – пять робинзонов-отшельников. Холод, голод, одиночество… И это еще не все: совершенно необъяснимо погибает один из отшельников, вскоре еще один… Ясно, что это не просто случайность… Но законы телешоу жестоки – игра должна продолжаться. Под ударом еще трое. Кто следующий? Спасатель Ворохтин требует от организаторов прекратить кровавое шоу. Его требования игнорируют. Тогда спасатель сам ввязывается в игру со смертью…

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 16
Глава третья 27
Глава четвертая 32
Глава пятая 35
Глава шестая 40
Глава седьмая 45
Глава восьмая 53
Глава девятая 60
Глава десятая 69
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Андрей Дышев
Женат на собственной смерти

Глава первая
Черная косметичка

Все, что приказывал режиссер, Ворохтин делал скрепя сердце. Потому что приказы, с точки зрения здравого разума, были нелепыми. Зачем, спрашивается, мерить давление участникам шоу перед самым отплытием, если он уже делал это час назад? И зачем проверять пульс? Что это даст? А пальпировать подчелюстные лимфоузлы – вообще идиотизм в высшей степени! Даже самый никудышный лекаришка, увидев этот эпизод по телевизору, наверняка станет плеваться и хихикать над тупостью главного врача и спасателя «Робинзонады».

И вообще, сама задумка этого телевизионного шоу неудачна. Неужели стране будет интересно следить за тем, как пятеро взрослых людей по одиночке выживают на маленьких необитаемых островах, разбросанных по заповедному Карельскому озеру? Как дяди и тети жрут крапиву, чер-

вяков и улиток, спят на еловых ветках и прячутся от дождя под листом борщевика?

Насмешка над благами цивилизации, не более того. Ворохтин ни за какие деньги не стал бы обрекать себя на такие муки и унижения. Даже за один миллион рублей, обещанный организаторами шоу победителю соревнования. Здоровье и достоинство дороже. В этом он, как профессиональный спасатель, был убежден.

Но договор есть договор, и Ворохтин продолжал выполнять свои обязанности, с умным видом щупая подчелюстные лимфоузлы у рослого авантюриста.

– И вот первый участник робинзонады готов к старту! Это Александр Бревин! – захлебываясь от искусственного волнения, вещал в микрофон главный режиссер и ведущий программы Арам Иванович Саркисян. – Начинается жеребьевка! Сейчас он опустит руку в шляпу, где лежат пять жетонов с номерами островов…

Сухощавый, не по годам плешивый оператор Чекота, не отрываясь от окуляра видоискателя, на полусогнутых ногах пошел по кругу, снимая, как Бревин опускает руку в шляпу и вытаскивает оттуда круглый жетон.

– Номер пять!

– Остров номер пять! – громко возопил Саркисян, выхватывая из руки Бревина жетон и поднимая его над головой. – Это самый уделенный от нашей базы остров! Географическое название – Косая Заводь! Площадь – два с половиной

квадратных километра. Растительность – смешанный лес.

– В-в-вау! – неизвестно чему радуясь, издал Бревин и, несмотря на свой внушительный вес, высоко подпрыгнул, словно обезьяна.

Саркисян уже сунул микрофон под нос Бревину.

– Александр, как вы себя чувствуете?

– Как космонавт! Я давно собирался как бы сесть на диету, но воли не хватало. А сейчас я просто в отпаде: и похудею, и бабки получу! – пританцовывая и энергично жуя жвачку, ответил Бревин. Он неимоверно растягивал гласные, проглатывал согласные, да еще гундосил. Разобрать его слова его было нелегко.

– Вы уверены в своей победе? – брызгал слюной Саркисян.

Оператор приблизился к Бревину, снимая крупным планом его розовое от возбуждения и пива лицо.

– Не то слово! Я знаю, что выиграю. Как говорила моя маманя, пока толстый сохнет, худой сдохнет. И еще, пользуясь случаем, я хочу передать привет самой клёвой девчонке на свете Ритке. Зайка, труднее всего на острове мне будет пережить половое воздержание. Не волнуйся, вернусь с победой! Готовься на Канары!

Оператор отошел, снимая общий план. Ассистент отвел Бревина в пластиковую кабинку, где он переоделся в пятнистую униформу. Едва он вышел, оглядывая чрезмерно длинные рукава куртки, ему сунули в руки большой пластиковый

пакет с надписью «Робинзонада».

– В этом пакете находится все, что разрешается взять с собой на остров нашим отважным робинзонам, – скороговоркой стал комментировать Саркисян, глядя на объектив камеры с пол-оборота, через плечо, что, по его мнению, должно было смотреться интригующе и свежо. – Это тесак, котелок, зажигалка, одеяло, коротковолновая рация и сигнальная ракета для вызова спасателей.

– А если, пардон, ракета не сработает? – спросил Бревин, с удовольствием позируя перед камерой.

– В этом случае затребовать помощь можно будет также через телекамеру и по радиостанции. В этом нет принципиальной разницы, – пояснил Саркисян. – Но напоминаю вам, уважаемые телезрители, что едва нога спасателя ступит на берег острова, как робинзон немедленно выходит из игры, независимо от того, получил он помощь или нет.

Саркисян говорил гладко, с интонацией праздничного оптимизма. Это был подвижный, кругленький коротышка, похожий на доброго Бармалея с длинными пушистыми ресницами. Правда, когда сюжеты Саркисяна выходили в эфир, разница в росте между ним и его рослыми героями была совершенно не заметна. В чем заключался фокус, члены съемочной бригады не знали. Не менее удивительная метаморфоза происходила и с плешью на темечке Саркисяна, которая на телеэкране выглядела столь же отчетливо, как и Крабовая туманность из созвездия Водолея, если на нее смот-

реть невооруженным взглядом в солнечный день.

Характер у ведущего был не в меньшей степени переменчив. Саркисян взрывался, если ему казалось, что никто не понимает замысла нового проекта, но быстро и легко отходил, когда признавался себе, что тоже не врубается в этот замысел. Подписав с Ворохтиным договор, Саркисян распил с ним бутылку армянского «Ахтамара» и перешел на «ты». Когда вслед за этим он открыл бутылку «Арарата», то признался Ворохтину, что идея робинзонады выстрадана им на личном опыте, так как много лет назад он потерпел крушение в Каспийском море и несколько дней жил на необитаемой песчаной отмели, питаясь ракушками и стеблями камышей…

На медосмотр вытолкнули второго робинзона. Это был нескладный, низкорослый юноша в очках, в несвежей, потерявшей форму синей майке и бейсболке с большим козырьком. За его спиной болтался небольшой рюкзачок. Ворохтин мысленно окрестил его Ботаником. Эта кличка приклеилась к юноше удивительно легко, и на базе иначе его никто не называл.

– Позвольте полюбопытствовать, дорогой сеньор Робинзон! – заигрывающим голосом произнес Саркисян, похлопывая по рюкзачку. – А что это у вас за спиной?

– Ничего запрещенного! – с готовностью ответил молодой человек, торопливо скидывая рюкзачок с плеч. – Могу показать. Энциклопедия по биологии, учебник английского и

справочник по БЕЙСИКу.

– Стоп! – крикнул Саркисян оператору. – Это хороший момент. Дать свет! Рюкзак крупным планом, затем отъезд. Готовы? Мотор!!

– В кадре! – отозвался Чекота.

Саркисян повернулся к объективу, опустил руку юноше на плечо и, медленно пошел с ним на камеру.

– Эх, если бы у Робинзона Крузо оказался с собой справочник по БЕЙСИКу, да еще и словарь по Фортрану, разве просидел бы он четверть века на необитаемом острове?.. Условия нашей игры не менее жестокие, господа! Никаких личных вещей! Ни-ка-ких!.. Стоп!

Саркисян взял у юноши рюкзачок и протянул его ассистенту.

– В камеру хранения! И поторопимся! В кадре берег. Продолжается медосмотр. Участник занимает место напротив врача. Поехали!

Ботаник осторожно опустился на складной стульчик, едва не опрокинув острыми худыми коленями столик. Ворохтин надел ему на руку манжетку сфигмоманометра и принялся накачивать грушу. Молодой человек с напряженным вниманием смотрел на цифры, бегущие по электронному табло.

– Вот врач осматривает второго участника нашего грандиозного шоу! – продолжал тараторить Саркисян, прохаживаясь перед складным столиком и путая провод микрофона. –

Напомню телезрителям, что призовой фонд составляет один миллион рублей! Один миллион! Это огромные деньги! И получит их тот участник, который продержится на острове без посторонней помощи дольше всех. Ежедневно, в полдень и в шесть часов вечера, робинзоны будут включать телекамеры и подробно рассказывать нам о том, как они выживают в экстремальных условиях… А теперь мы прерываемся для рекламного блока. Оставайтесь с нами!

На телекамере не успела погаснуть красная лампочка, как Саркисян кинулся к Ворохтину и принялся колотить микрофоном по столу.

– Что ты сидишь, уставившись в одну точку?! – закричал он.

– Давление меряю, – ответил Стас.

– К черту давление! В кадре не должно быть статичных фигур! Делай что-нибудь! Двигайся, шевели руками, стащи с него майку, посмотри ему в рот…

– Зачем? – сохраняя завидное спокойствие, ответил Ворохтин.

– Чтобы найти кариес, черт тебя возьми!

– Ну, найду. А что потом? Пломбировать?

Саркисян даже задохнулся от гнева. Он повернулся к оператору и ассистентам, развел руками и покрутил головой.

– Не понимает, – произнес он жалобным тоном, будто искал сочувствия и поддержки. – Человек не понимает, что мы здесь делаем! Уж конечно мы не будем пломбировать ему зу-

бы! Твоя роль заключается в другом, дорогой мой! Присутствие врача и строгий медицинский контроль должны придать нашему шоу ощущение драматизма и опасности… Нахмурь же брови, черт тебя подери! Чему ты улыбаешься?

– У вас на голове бабочка сидит.

– К черту бабочку! Где ассистенты? Готовьте третьего участника! Запускайте Лену! Леночка!.. А ты перестань улыбаться! Мне сейчас нужен не врач, а актер! А будешь сопротивляться, получишь по морде!.. Всё, собрались! Мотор!!

– В кадре!

Короткая перепалка немного разрядила атмосферу и придала ей столь необходимый для шоу оттенок динамизма и быстротечности времени. Ботаника отправили переодеваться в униформу, а его место заняла молодая женщина со скуластым лицом и впалыми щеками. Она была худенькая, жилистая и очень подвижная. Короткая, под мальчика, стрижка подчеркивала ее крупный и вытянутый нос, но женщина по этому поводу ничуть не комплексовала и без натяжки улыбалась.

– Лена, почему вы решили принять участие в нашем шоу? – спросил ее Саркисян.

– Я люблю одиночество, – ответила женщина, в то время как Ворохтин пытался заглянуть ей в рот.

– Вы такая хрупкая и беззащитная на вид, – не вполне точно подметил Саркисян. – Не боитесь остаться один на один

с грозными и враждебными силами природы?

Ворохтин попытался засучить рукав и оголить руку Лены для манжетки сфигмоманометра, но женщина, увлеченная разговором с Саркисяном, не понимала намерений врача, и все время одергивала рукав книзу.

– Человек – дитя природы, – отвечала она, сверкая улыбкой. – И потому в ней не может быть ничего враждебного для нас.

«Ну и черт с ним, с давлением! – подумал Ворохтин. – Проверю на вшивость».

В какой-то момент рука Лены оказалась в его ладони. Женщина по-прежнему разговаривала с Саркисяном и не смотрела на Ворохтина, но врач почувствовал, что ее пальцы разжимаются. Через мгновенье в его руке оказался маленький и крепкий бумажный скатыш. Съемка тем временем продолжалась, и Ворохтин не решился испортить запись своим нестандартным поведением. Он сжал скатыш и незаметно убрал руку со стола.

Лене достался Первый остров, деревья на котором можно было пересчитать с базы даже без бинокля.

Четвертым участником был молодой человек с узким лицом и короткой прической. Плечи его были покатыми, отчего казалось, что туловище, постепенно, сужаясь, плавно переходит в шею. Он предстал перед камерой в тренировочных брюках и тельняшке без рукавов, которая невыгодно подчеркивала его тонкие руки и выпирающие ключицы. Ворохтин,

чтобы не повторяться, послушал его спину через фонендоскоп.

– Если я не ошибаюсь, вы – десантник? – спросил Саркисян.

Парень неторопливо сложил руки на груди, чтобы хоть как-то выделить слаборазвитый бицепс.

– Десантник, – кивнул парень.

– Как вы отметили недавний день ВДВ?

– До сих пор кулаки болят, – недвусмысленно ответил он.

Саркисян повернулся к камере:

– Наше шоу – только для настоящих мужчин! В борьбу за выживание включается десантник Сергей Лагутин! – Снова поворот, и микрофон едва не коснулся губ десантника: – Вам выпал Второй остров. Что вы можете сказать по этому поводу?

Лагутин усмехнулся.

– Первый, Третий… Какая разница? В любом случае это детская забава. Просто я хочу купить крутую «тачку» и приличную охотничью винтовку с оптикой, чтобы охотиться на носорогов в Кении. А на это нужны деньги.

– Вы уверены в своей победе?

– А разве тут есть достойные соперники?

– Браво! Какой оптимизм! Какая уверенность в своих силах! А вас не смущает, что по соседству с вами будет бороться за победу очаровательная Леночка?

– Если ей станет грустно, я обязательно навещу ее.

– Ха-ха-ха! Прекрасная шутка! Прекрасная, если учесть, что температура воды в озере – всего плюс семь! – воскликнул Саркисян, заполняя собой весь кадр. – И все же я напомню: если робинзон покинет свой остров, он немедленно выбывает из соревнования. Увы, сойдет с дистанции и тот игрок, чье одиночество будет нарушено вторжением на остров гостя.

Последним участником оказался немолодой мужчина пенсионного возраста, похожий на рыболова-спортсмена. От волнения он потерял дар речи, и Саркисяну никак не удавалось его разговорить.

– Ваше имя?

– Павлов.

– Кем вы работаете?

– Пенсионером.

– Чем вы будете заниматься на острове?

– Рыбалкой.

– Вы полагаете, вам удастся поймать рыбу без крючка и лески?

– Я только таким образом и ловлю…

Наконец, все пятеро участников, переодетые в униформу, с пакетами в руках, выстроились на берегу перед моторной лодкой.

– До старта нашего грандиозного шоу остается всего несколько минут! – неутомимо говорил в микрофон Саркисян. – Пятеро отважных людей добровольно погружаются в

экстремальные условия, чтобы доказать: возможности человека безграничны, если не угасают любовь к жизни и вера в победу …

Он первый сел в моторку и занял место на носу. За ним в лодку стали забираться участники. Оператор Чекота, не замечая, что шлепает ботинками по воде, снимал, как Бревин подает руку Лене и помогает ей запрыгнуть на корму.

Ворохтин стоял в группе ассистентов и смотрел, как «робинзоны» прощаются с большой землей. Когда моторка отчалила, он сунул руку в карман комбинезона и вынул оттуда бумажный скатыш. Осторожно, чтобы не порвать, развернул его и прочел фразу, написанную торопливо и простым карандашом: *«Если получите от меня сигнал о помощи, пожалуйста, прихватите с собой черную кожаную косметичку, которая лежит во внутреннем кармане моего рюкзака. Заранее благодарна!»*

Глава вторая
Лагутин

Лагутин стоял на самом краю обрыва, с которого торчали спутавшиеся корни деревьев, напоминающие неухоженную бороденку. Моторная лодка, на которой он приплыл сюда, медленно отчаливала от берега, оставляя на зеркально-гладкой воде идеально ровный контур конуса.

– Желаем удачи! – кричал с лодки Саркисян.

Помощник режиссера запустил мотор, лодка развернулась и помчалась к очередному острову. Лагутин продолжал стоять на берегу, провожая взглядом оператора, который, пристроившись на корме, продолжал съемку, и на камере ярко светился малиновый огонек.

Этот человек, застывший в позе снайпера с камерой на плече, вдруг вызвал у Лагутина паническое чувство страха. Он едва не кинулся в кусты, стоящие рядом. «Нервы ни к черту!» – подумал Лагутин, еще раз вяло помахал удаляющейся моторке, а потом кинул на траву пакет со снаряжением и сел рядом.

Старт дан. Время пошло. Теперь можно расслабиться и успокоить дыхание, чтобы частота сердечных сокращений пришла в норму. Редкие удары сердца – это энергосберегающий режим. Как во сне. Замедлено дыхание, замедлен об-

мен веществ. Это значит, что организму требуется меньше кислорода, меньше воды и меньше пищи. Меньше пищи – это самое главное…

Лагутин никогда не был десантником, а выживать умел, пожалуй, лишь на уровне опытного туриста. Та бравада, с которой он говорил в микрофон, была всего лишь бравадой. Маска самоуверенного болвана. Этого захотел Саркисян, и Лагутин сыграл роль супермена. На самом же деле Лагутин был вечным неудачником и трусом. Он прекрасно знал об этих своих качествах, и никогда не пытался обмануть себя. Лагутин отчетливо представлял, что испытание предстояло серьезное. Продержаться на острове дольше всех – отнюдь не детская игра. А победить надо. Во что бы то ни стало он должен победить.

Лагутин шлепнул себя ладонью по щеке и посмотрел на окрасившиеся кровью пальцы. Первый комар уже вкусил человеческой крови. Его ненасытных сородичей долго ждать не придется. Слетятся со всего острова, облепят лицо, руки, шею, вонзят в кожу свои тонкие иглы и начнут выкачивать кровь. И ничем их не испугаешь – ни дымом, ни хвойной смолой. Будут пикировать на теплую кожу, под которой пульсирует кровь, как истребители, пока она не покроется кровоточащей коркой, похожей на маску для фильма ужасов. И так каждый день, каждую ночь эта армия кровососов будет без устали атаковать, доводя до исступления и бешенства.

Он расковырял палочкой землю. Поплевал в лунку, раз-

мял сырую глину и стал тщательно размазывать ее по лбу, щекам и подбородку. Когда глина подсохнет, она образует корочку, которую ненасытные твари пробить не смогут.

Обмазав лицо и шею, Лагутин застегнул все пуговицы на курточке и поднял воротник. Теперь порядок. Первая проблема решена. Теперь, пока еще светло, надо побеспокоиться о ночлеге. Холодная ночевка сильнее голода отравляет настроение и подавляет волю.

Лагутин подхватил пакет и, пробившись через густые заросли бузины, вышел на полянку, на которой с легкой руки организаторов шоу был оборудован «телецентр». На краю поляны росла сосна. На ней был укреплен штатив с камерой слежения, вроде тех, которые торчат под потолком в торговых залах и банках. Под камерой была прибита полочка, на которой лежали заряженные аккумуляторы в герметичных упаковках. Еще ниже, на проводе, болтался включатель. Над всей этой конструкцией нависал жестяной козырек, предохраняющий от дождя.

Сейчас камера не работала. Включить ее Лагутин должен был ровно в шесть вечера и, устроившись посреди полянки, жизнерадостным голосом рассказать о своих первых впечатлениях о жизни на острове. Этот сюжет улетит в базовый лагерь, где его подправят в монтажной, перекроят, нашпигуют глупыми комментариями Саркисяна, после чего запустят в эфир. И на вымазанную в глине физиономию Лагутина будет смотреть вся страна, с алчным нетерпением дожидаясь, ко-

гда его щеки покроются щетиной, а под глазами появятся синие круги, и губы побледнеют, и голос будет все более тихим и слабым, и он начнет демонстративно жрать жареные желуди, червей и слизняков… И чем страшнее будет деградация, тем больше жадных взглядов вопьется в телеэкраны: «Смотрите, смотрите! И в этой берлоге он живет! И здесь же, наверное, отправляет естественные надобности. А в этом грязном котелке он варит суп из пиявок! И вылавливает их двумя сосновыми палочками. Какой дикарь! А всего две недели назад это был довольно приятный молодой человек!»

«Хрен вам! – подумал Лагутин, необыкновенно ярко представив себе кухню, заставленный тарелками и салатницами стол, и сытых людей, которые уставились в телевизор. – Я не буду жить на вашей сцене. В правилах не указано, где строить жилище».

Он вытряхнул содержимое пакета на траву, взял тесак и, оглядевшись по сторонам, направился к могучей лиственнице. Подойдя к ее стволу, Лагутин вогнал лезвие в кору и принялся нарезать ее продольными полосами. Затем сделал горизонтальные насечки и стал аккуратно сдирать кору кусок за куском.

Одинаковые, слегка изогнутые «пластины» он сложил стопкой на самом краю поляны, куда не мог достать взгляд объектива. Расчистив там же площадку, Лагутин вбил в землю две крепких рогатины, закрепил на них несущий брус и по обе стороны от него уложил жерди. В качестве стропил

он использовал прямые, как копья, стволы молодой рябины, привязывая их к жердям сухой лозой. Когда получилась вполне крепкая и просторная «клетка», Лагутин стал обкладывать ее снизу вверх кусками коры, наслаивая их друг на друга, как черепицу.

Работа это была трудоемкая, потому как каждую «черепицу» надо было тщательно закреплять на стропилах. Но до темноты времени еще было достаточно, и Лагутин не боялся, что первую ночь на острове ему придется провести под звездным небом. И думал он вовсе не о предстоящем ночлеге, а о той жизни, которую оставил на большой земле.

Он вспоминал, каким доверчивым и наивным был, когда решил перегонять из Германии автомобили престижных марок по предоплате. Два раза получилось все гладко, как в сказке: сначала взял у заказчиков деньги, одну за другой пригнал «Ауди» и «БМВ», отдал их заказчикам и, подсчитав «навар», размечтался о серьезном бизнесе. И тут наудачу судьба столкнула его с деловым мужичком, который без лишних формальностей отслюнявил ему тридцать тысяч баксов в качестве предоплаты за два подержанных «мерседеса»…

То, что этот мужичок его подставил, Лагутин понял слишком поздно. Его ограбили по дороге в Германию, очистили карманы и отбили почки. Мужичок навестил его в больнице и, пожелав скорейшего выздоровления, добавил, что «счетчик включен», тридцать тысяч баксов необходимо вернуть

через неделю. Он оставил свою визитку, приветливо помахал рукой и ушел.

У Лагутина не было ни денег, ни чего-либо другого, пригодного для продажи. Даже квартиры своей не было – он жил у тетки. Пытался занять у друзей, но друзья его большей частью были такими же неудачниками, как и он сам, и больших денег никогда не имели.

Прошло десять дней. Лагутин решил, что мужичок проникся к нему состраданием и дал еще время. В какой-то мере он оказался прав. Поздним вечером Лагутин зашел в свой подъезд и тотчас услышал два приглушенных выстрела. Ему на голову посыпалась штукатурка. Несколько мгновений он продолжал стоять, как соляной столб, подпирая собой почтовые ящики и глядя на лестничную площадку, освещенную тусклой лампочкой. Наконец, увидел молодого человека в черной футболке и с пистолетом в руке. Тот спокойно прошел мимо ошарашенного Лагутина к выходу, в дверях остановился и сказал: «Это последнее предупреждение. У тебя есть еще неделя!»

Когда незнакомец растворился в ночной улице, Лагутин отошел от стены и обернулся. Две пули вошли в стену в сантиметре над его головой.

Он понял, что если не найдет деньги, то его очень скоро похоронят. Исчезнуть, затеряться на просторах страны он не мог, иначе подставил бы под удар несчастную родственницу.

Возможно, Лагутин нашел бы какой-нибудь выход. Не исключено, что он впал бы в отчаяние и объявил бы войну своим вымогателям. Но уже на следующий день Лагутин увидел по телевизору объявление о наборе участников в экстремальное шоу «Робинзонада» с премиальным фондом один миллион рублей. Не задумываясь о последствиях, Лагутин позвонил мужичку, сказал, что через две недели отдаст ему долг, и этим же вечером уехал в Карелию.

И вот он на острове. Уже прошло два часа, как отчалила моторка, и он остался один. Все колебания и сомнения остались в прошлом. Лагутин думал о будущем. Его волю не сломать. Он обязательно победит! Другого ему не дано. Сойти с дистанции и вернуться домой без денег, значило подписать себе смертный приговор. И потому Лагутин будет сидеть на этом острове до тех пор, пока не сломаются все его соперники. А он знает, как выжить. У него за плечами десятки туристических походов. А самое главное – у него есть цель, ради которой они готов на все.

…Было уже четверть шестого, как Лагутин закончил покрывать кровлей из коры скаты своего жилища. Торец шалаша он закрыл пленкой, разорвав по швам полиэтиленовый пакет, и замазал места соединения глиной. В качестве «двери» он использовал большую еловую «лапу». Земляной пол внутри шалаша тоже сначала застелил хвойными ветками, затем накидал сухой травы и мха. Сверху расстелил одеяло. Залез внутрь, лег на ложе и даже глаза прикрыл от удо-

вольствия. Крыша надежная, сухо, не дует. Пятизвездочный отель!

До первого сеанса связи оставалось еще полчаса, и Лагутин стал собирать хворост для костра. Из крупных речных камней он сложил очаг, по обе стороны от него забил в землю рогатины, навесил перекладину из сырого орешника и нацепил на него котелок. Новенький, блестящий, он немедленно вызвал ассоциации с вкусной походной пищей, и Лагутин тотчас почувствовал, как нарастает и усиливается голод.

«Завтра к вечеру на берег попросятся как минимум двое, – подумал Лагутин. – А через три дня – оставшиеся… Тем не менее, даже три дня я должен что-нибудь жрать».

Вооружившись тесаком, он посмотрел вокруг, раздумывая, в какую сторону пойти на поиск чего-нибудь съестного. Перед жеребьевкой участникам робинзонады показывали аэрофотоснимки озера. В принципе, острова мало отличались друг от друга и по размерам, и по растительности. С высоты они напоминали мшистые кочки, раскиданные посреди большой лужи. Каждая такая «кочка» достигала как минимум двух километров в диаметре.

Первым делом Лагутин срубил под корень молодую рябину и сорвал с нее все ягоды. Плоды были еще бледно-красные, крепкие и горькие, и все же это был источник витаминов. Кинув одну ягоду в рот, Лагутин стал ее посасывать, как леденец. Что ж, вполне съедобная гадость. Набить ею желудок довольно трудно, зато горечь приглушит голод. Напол-

нив карманы ягодами, Лагутин медленно пошел вглубь леса.

Плотные заросли кустов и участки труднопроходимого валежника чередовались с открытыми светлыми полянками, утыканными булыжниками. На одной из таких полянок Лагутин нашел целую плантацию фиолетовых саранок с растрепанными, загнутыми кверху лепестками. Он опустился на колено, медленно потянул за стебель цветка и выдернул луковицу. Отсек ее от стебля и сунул в карман. Где-то Лагутин читал, что мясистая луковица саранки вполне съедобна и даже вкусна, если ее испечь в золе или сварить.

Он оперся рукой о белый, теплый от солнца валун, и только хотел встать, как вдруг отдернул руку и посмотрел на ладонь. Мелкий желтый песок налип на нее. Лагутина что-то насторожило. Он склонился над валуном, внимательно рассматривая его пористую, как у сахара-рафинада, поверхность, слегка присыпанную песком, словно панировочными сухарями. «Ерунда, – подумал он, оглядываясь по сторонам. – Мало ли…»

Решив, что обязательно вернется сюда, отведав вареной луковицы, Лагутин пошел дальше. Внезапно сосны расступились, блеснула вода, и Лагутин вышел к заводи. Здесь горланили лягушки, шлепали по листьям кувшинок серебристые рыбешки и шуршали в камышах какие-то птицы. «Как бы мне здесь не поправиться», – с веселым оптимизмом подумал Лагутин, глядя на заводь, как на витрину гастронома. Сорвав молодой побег рогоза, он надкусил его нежный, слад-

коватый стебель и, ободренный, пошел по влажному заболоченному берегу к большой воде.

На широком песчаном пляже, который пронизывал разгулявшийся ветерок, он остановился, сел на корявый плавун. Это был западный берег острова, и волны обработали его куда сильнее, чем северный. Многие сосны, не выдержавшие борьбы с водой, рухнули на пляж. Их могучие корни еще оставались на обрыве, а кроны уже лежали в воде. Стволы напоминали мосты, образуя мощные своды. Под ними можно было бы соорудить неплохое жилище, но место было сырое и ветреное. Впереди, откуда катились волны, будто прямо из воды, росли длинные березы и сосны. Это был Четвертый остров, ставший пристанищем для рыболова Павлова.

«Сколько до него? – подумал Лагутин, впрочем, без всякой практической цели. – Километр? Или два?»

Он приставил ладонь ко лбу, чтобы заходящее солнце не слепило глаза, и стал всматриваться, надеясь увидеть сутулую фигуру немолодого робинзона. Но не смог рассмотреть ничего, кроме стволов деревьев, темно-зеленых пятен кустарников и зарослей рогоза, похожих на торчащие из воды копья рыцарей.

«А ведь там тоже в изобилии рыбы и всякого подножного корма, – подумал Лагутин. – И на Первом, и на Пятом островах то же самое. И все участники, сытые и сонные, будут сидеть на своих островах неделю, две, три… Им все равно, а у меня «счетчик»»…

Он вскинул руку и посмотрел на часы. До начала записи оставалось пятнадцать минут. Пора! Лагутин встал и пошел вверх по сыпучему склону. «Что-то настроение у меня упало, – подумал он. – Нехорошо показываться перед телезрителями с такой кислой физиономией. Надо через силу улыбаться и говорить, что всю жизнь только и делал, что мечтал жить на необитаемом острове!»

Поднявшись на обрыв, он оглянулся и еще раз посмотрел на соседний остров – на этот раз с неприязнью и даже ненавистью.

Глава третья
Ей нечего там делать

Ворохтин был категорически против, чтобы она плыла с ними. Потому что за годы работы спасателем невзлюбил журналистов так, что уже на дух их не выносил. Там, где властвовали драма, боль и слезы, он профессионально выкладывался до конца. Он воспринимал стихию, как своего противника, свою работу – как единоборство, и чужая беда становилась его бедой. А журналисты, оказавшиеся в эпицентре, путались под ногами с восторженными глазами, словно коты, попавшие на колбасный склад. Ими руководили совсем иные инстинкты, их, как вампиров, тянуло туда, где было больше крови. Человеческая драма для журналиста – это сенсация, и чем она громче, тем был выше гонорар за репортаж.

– Ей нечего там делать! – крикнул Ворохтин Саркисяну, который быстро шел к берегу. За ним едва поспевал Чекота с камерой.

– Здесь! – сказал Саркисян, не слушая Ворохтина, и поднял руку вверх. Он нашел хороший ракурс: было видно озеро в перспективе, две моторки, покачивающиеся на волнах, и Ворохтин с журналисткой. – Собрались! Вздохнули!

Он поднес микрофон ко рту, еще раз глянул на текст,

написанный мелким и неразборчивым почерком. Оператор прицелился в окуляр.

– Мотор!!

– В кадре!

– Журналистке нечего там делать! – крикнул Ворохтин, не обращая внимания на то, что камера уже работала.

– Стоп!! – визгливо крикнул Саркисян и изогнул брови коромыслом.

Чекота выключил камеру и оторвался от окуляра. Ведущий гневно посмотрел на спасателя, сжимая микрофон, словно противотанковую гранату.

– Она аккредитована, милый мой! И продюсер дал добро! Реклама в прессе нам тоже нужна! Понятно?

– Это нестандартная ситуация, Арам Иванович! – не сдавался Ворохтин. – Человек, может, отравился грибами. Его тошнит. Или, не дай бог, он в коме. Зачем там нужен корреспондент?

Саркисян поморщился. Ему не хотелось спорить о том, что было решено и утверждено начальством. Изменить что-либо было нельзя. Все они, включая продюсера, были рабами зрителей.

– Даже если бы этого не случилось, я бы придумал нечто подобное! – тряся маленькой мясистой ладошкой, произнес Саркисян. – Чем больше страсти, загадок и драмы, тем лучше! Народ хочет саспенса! Саспенса!..[1] Все! Прекратить бол-

---

[1] Suspense – неизвестность, тревога ожидания (англ.)

товню! Снимаем!

Ворохтин лишь махнул рукой и, подхватив большую сумку с красным крестом, полез в лодку вслед за журналисткой. Мелкая, тихая, как мышка, девушка в нелепой штормовке с капюшоном цвета хаки, какие еще носили строители БАМа, села на носу. Поставив кофр на колени, она стала настороженно смотреть на Ворохтина, как на человека, который способен на непредсказуемый поступок. Черты лица ее были маленькие, кукольные, и на журналистку, коей должна быть присуща известная степень наглости, она мало походила.

Но девушка совсем не интересовала Ворохтина. Демонстративно избегая ее взгляда, он устремил прощальный взгляд на берег. Саркисян подпрыгивал с микрофоном в руке и говорил тем же голосом, каким бабушки читают внукам сказку про бабу Ягу. Оператор с камерой на цыпочках ходил вокруг него. Пиротехники зачем-то пускали искусственный туман.

– И вот в лодку уже садятся спасатель и медсестра! – задыхаясь от неестественного волнения, говорил Саркисян. – Что же все-таки случилось на Втором острове? Почему Сергей Лагутин не вышел на связь в шесть часов вечера? Почему он не реагирует на вызов радиостанции? Но если с ним случилось нечто из ряда вон выходящее, то почему он не запустил сигнальную ракету? Никто, никто пока не может дать ответы на эти вопросы. Но пройдет несколько минут, и тайное станет явным! Посмотрите, в каком тревожном ожида-

нии наши спасатели! Они готовятся бороться за жизнь Лагутина и спасти ее даже ценой собственной жизни!

Саркисян замолчал и махнул рукой. Оператор выключил камеру.

– Ворохтин! – взмолился Саркисян, залезая в лодку. – Не делай же такое равнодушное лицо! Ты должен переживать о судьбе Лагутина! Нахмурься и пристально всматривайся вперед: не покачивается ли на волнах труп? Не полыхает ли на острове всепожирающий пожар? Не заламывает ли нашего героя разъяренный медведь?

– Типун тебе на язык! – ответил Ворохтин и запустил мотор. Раздался оглушительный треск, над водой поплыл сизый дым. Чекота поторопился с погрузкой. Он подал треногу Саркисяну и прыгнул в лодку. Суденышко закачалось на волнах. Журналистка, сидящая на носу, одной рукой схватилась за борт, а второй сильнее прижала к себе кофр. Ветер сорвал с ее головы капюшон. Оказалось, что ее голова была по-монашески туго повязана белым платком, который скрывал ее волосы. Казалось, что девушка совершенно лысая.

– На острове ты будешь главной фигурой! – кричал Саркисян Ворохтину, удобнее устраиваясь на скамейке. – Как только сойдешь на берег, Чекота включит камеру! Будешь идти и на ходу комментировать. Скажешь, что мол, обстановка на острове мрачная, на зов никто не отзывается, что накрапывает дождь… Побольше темных оттенков, понял?! Побольше драматизма в голосе! Дублей не будет! Все, что

запишем, утром пойдет в эфир! Только не вздумай артачиться, не то утоплю!

Кепка отбрасывала широкую тень на лицо Саркисяна, темные очки отражали матовый свет, идущий от озера. Он махнул рукой, разрешая старт. Ворохтин повернул ручку газа до упора. Вода под кормой забулькала, закипела, Приподняв передок, лодка помчалась по мятой поверхности озера. «Он еще не знает, что произошло, а уже требует темных оттенков и драматизма, – думал Ворохтин, направляя катер по большой дуге ко второму острову. – Плевать ему на Лагутина! Главное, чтобы программа притягивала зрителей к телевизорам, как стаю гиен к падали. Еще и журналистку купили, которая будет пускать восторженные слюни в газетах! Черт дернул меня подписать договор с этой компанией!»

– Пригнись! – со злостью крикнул он журналистке, которая маячила перед его глазами. – Из-за тебя ничего не видно!

Глава четвертая
Чего он боялся?

Они проскочили мимо Первого острова, на узком и длинном мысу которого ярко полыхал костер, напоминая маяк, и через несколько минут на них надвинулась темная громада Второго. Ворохтин убавил газ, и лодка плавно заскользила по гладкой черной воде.

Смеркалось. Над водой поднимался туман. Саркисян поднял воротник куртки.

– Прибавь газку! – проворчал он. – Темнеет быстро.

Ворохтин не только не прибавил газку, он вообще заглушил мотор. И в то же мгновение, как стало тихо, все отчетливо услышали крик.

– Это я! Лагутин! Я здесь! Эй, на моторке! Я здесь!

Ворохтин стал подгребать коротким веслом к берегу. Саркисян заволновался, заерзал, и лодка начала раскачиваться.

– Что он там делает? – с недоумением спрашивал он неизвестно у кого. – Чего он орет?.. Камера готова?

Журналистка тоже повернулась лицом к берегу и, вооружившись фотоаппаратом с мощным телевиком, легла грудью на передок.

– Не приставайте к берегу! – кричал Лагутин. Теперь его можно было отчетливо видеть на краю обрыва. – У меня все

в порядке!

– Мотор!! – скомандовал Саркисян оператору и попытался встать на ноги, но лодка так качнулась, что он выронил микрофон и едва не вывалился за борт.

– Что с вами случилось? – крикнул Саркисян, застыв в позе стартующего спринтера. Он крепко держался обеими руками за борта и потому не мог выпрямиться.

– Ничего! Со мной все в порядке! – отозвался Лагутин.

– Но почему вы не вышли на связь?

– Я проспал!

– Как проспал? – Саркисян повернулся и посмотрел на все сидящих в лодке. – Ничего не понимаю! Как можно проспать сеанс связи? Он что, пьян?

– Пожалуйста, не причаливайте к берегу! – кричал Лагутин. – Я продолжаю участвовать в робинзонаде!

Журналистка щелкала фотоаппаратом. Саркисян, подобрал с пола микрофон, но не придумал, что сказать. В конце концов, он сунул его в карман куртки.

– Хорошо, – недовольным голосом крикнул он Лагутину. – Мы не будем причаливать. Но вам – предупреждение. Еще раз не выйдете на связь – снимем с соревнований!

– Договорились! – ответил Лагутин.

– Разворачивайся! – сказал Саркисян Ворохтину. – Погнали домой! Так холодно, что у меня уши заледенели! И как он без костра обходится?

Моторка помчалась в обратную сторону, пронзая ост-

рым передком туман. Журналистка спрятала фотоаппарат в кофр. Чекота все еще снимал удаляющийся остров и застывшего на берегу Лагутина.

– Да выключи ты свою шарманку! Этот эпизод мы ставить не будем, – сказал ему Саркисян. Он все еще ерзал на скамейке, оглядывался на остров и, мысленно задавая себе вопросы, в ответ лишь пожимал плечами. – А странно он себя вел, да?

– Он боялся, что мы высадимся на остров, – предположил оператор, натягивая на камеру чехол.

– А мне показалось, что он испугался другого, – вставила журналистка.

– Чего другого? – нетерпеливо спросил Саркисян, желая немедленно получить исчерпывающие ответы на все поднятые вопросы.

– Что мы догадаемся, почему он не вышел на связь.

– А почему он не вышел?

Журналистка пожала плечами. Оставшуюся часть пути плыли молча.

Глава пятая
Лена

Лена больше часа бродила по острову, собирая хворост. Она пыталась сосредоточиться и детально продумать, о чем будет говорить во время второго сеанса связи. «Сначала я расскажу о том, как прошла моя первая ночь на острове. Можно будет показать гамак, который я смастерила из одеяла. Потом скажу, что остров мне очень нравится. Он чистый, здесь нет ни бутылок, ни пакетов, ни консервных банок, какими загажены популярные места отдыха… Я распишу его живописные берега…»

Она остановилась и посмотрела на большую сосновую ветку, лежащую на траве. «Хорошо бы притащить ее на полянку, где установлена камера. Я разведу костер, сяду так, чтобы пламя освещало мое лицо, и буду рассказывать об острове. Это будет красиво и романтично, и не будет видно синяков под глазами. Я должна каждый раз производить на Игоря впечатление».

Лена склонилась и взялась за ветку. Высохшая иголка вонзилась в ее ладонь и обломалась. Женщина отдернула руку и принялась вытаскивать иголку зубами. «Это только начало, – подумала она. – Сколько у меня еще будет заноз и ссадин!»

Она старалась не придавать значения тому, что ее пальцы мелко дрожат. Ей никак не удавалось поймать кончик занозы, и Лена злилась, покусывая маленькую ранку. Досадуя, она ударила ногой по ветке и проворчала: «Чтоб ты сгорела!» Но обманывать себя она уже не могла. Пальцы дрожали уже слишком явно, сердце все чаще колотилось в груди, а на лбу выступил холодный пот.

«Все будет хорошо, все будет хорошо!» – подумала Лена, но успокоения эти мысли не принесли. Оставив непокорную ветку, она быстро пошла на песчаный мыс, где была установлена камера, но вдруг остановилась, круто повернулась и направилась в обратную сторону. Не разбирая дороги, Лена прорывалась через кусты, с упрямством раздвигала колючие ветки, спотыкалась о поваленные трухлявые стволы и, наконец, упала на сырой мох. Ее колотил озноб, мысли путались, осознание страшной беды охватило ее. «Что же я наделала! – с ужасом подумала она, глядя по сторонам, на окружающие ее тяжелые стволы и закрывающие солнце кроны. – Я же умру здесь! Я не выдержу этого! Я сама себя убиваю!»

Она вскочила и со всех ног кинулась обратно, на спасительный мыс, где на траве лежал пакет с рацией и сигнальной ракетницей. Там спасение, только там! Быстрее, быстрее с этого ужасного острова, из этой могилы!

Колючие ветви цеплялись за ее одежду, царапали руки и лицо, но Лена не замечала боли. Она выскочила на песчаный мыс и, словно вратарь на мяч, кинулась на пакет. Торо-

пясь, облизывая пересохшие губы, она разорвала полиэтилен и вытащила ракетницу. Прижала ее к лицу: «Милая моя спасительница! Жизнь моя! Бог мой!» Ей хотелось смеяться от счастья. «Как умно придумано! Какие же молодцы организаторы! Достаточно только дернуть за веревочку, и через десять минут они уже будут здесь! А может даже через пять минут. Что тут плыть? Мой остров ближе всего к берегу. Вот он, голубчик! Кажется, только руку протяни. Вон палатки, машины, костры. Народ неторопливо бродит по берегу. Кто-то рыбачит, кто-то делает шашлыки… Там жизнь! Жизнь! А здесь смерть…»

Лена приподнялась, поднесла ракету к глазам, прищурилась. Пальцы ее дрожали уже так сильно, что она с трудом смогла свинтить защитный колпачок. Но вот и веревочка. Похоже на детскую хлопушку. В ее далеком детстве такие хлопушки продавали под Новый год. Родители всегда покупали ей одну хлопушку, и ставили маленькую Лену у елки. И она с восторгом и страхом держала эту опасную трубочку, ожидая двенадцатого удара курантов, чтобы потом зажмуриться, втянуть голову в плечи и дернуть за веревочку. А потом громкий хлопок выбрасывал вверх целый звездный мир разноцветных конфетти… Это было похоже на сказку…

И тут она словно наяву услышала голос Игоря. «Почему ты не хочешь выйти за меня?» – спрашивал он.

Лена зажмурила глаза, до боли стиснула зубы и уронила голову на песок. «Дай мне еще месяц», – отвечала она. «Но

зачем нам ждать еще месяц, если мы любим друг друга?» Она молча качала головой и опускала взгляд. Игорь, этот милый, добрый и заботливый человек, терпеливо молчал, не лез в душу, и все же ей казалось, что он догадывается о ее тайне. «Я тебя очень люблю, – говорил он. – Что бы с тобой ни случилось в жизни, я всегда буду тебя любить». А сын Лешка дергал ее за рукав и спрашивал: «Мам, ну что ты плачешь? Радоваться же надо!»

Лена лежала на песке, сжимая в ладони сигнальную ракету, и плакала навзрыд. Чем хорош был необитаемый остров, так это тем, что здесь не надо было скрывать своих чувств. Остывая и успокаиваясь, она лежала долго, до тех пор, пока не почувствовала, что замерзла. Приступ постепенно проходил, сердце успокаивалось, хаотически разбросанные мысли выстраивались в порядок. Лена уже спокойно думала о том, что в двенадцать часов она должна включить камеру и сесть у костра. А до этого она должна умыть лицо, привести в порядок прическу, очистить от песка униформу. Игорь должен увидеть ее красивой, романтичной и немного печальной. А он обязательно будет смотреть эту передачу.

Она была еще очень слаба, но попыталась подняться на ноги бодро и энергично. Ее повело в сторону, будто она была пьяна. Пришлось опуститься на колени и на мгновение закрыть глаза. «Я смогу! – думала она. – Я смогу… Поживу здесь неделю или две. Буду молиться богу и пить травяные чаи. Очищу организм. Приступы с каждым разом будут все

более слабыми. И я начну жить заново…»

Лена опустилась на колени, взяла ракетницу и стала искать предохранительный колпачок. Ей пришлось долго возить ладонями по песку, прежде чем она нашла его. Осторожно смяла веревочку и навинтила колпачок. Потом некоторое время с опаской рассматривала ракетницу, словно это была боевая граната. Размахнулась и кинула ее в воду. Та пролетела над пляжем и шлепнулась на песок в метре от воды.

Вероятно, ей в голову пришла мысль о путях господних, и потому она не стала повторять попытку избавиться от сигнальной ракетницы. Подошла к воде, присела и умылась. Потом подняла ракетницу и поплелась на полянку, где была установлена камера. Шла она тяжело и медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание, будто не легкую пластиковую трубочку несла, а крест на Голгофу.

Ровно в двенадцать она включила камеру и села на траву, скрестив ноги по-турецки. Разжечь костер она не успела, но его романтические отблески вряд ли были бы заметны, так как вовсю светило полуденное солнце, заливая полянку золотыми лучами.

– Мне очень нравится этот остров, – произнесла Лена, устало глядя на красный глазок камеры. – Здесь нет ни бутылок, ни пакетов. Здесь нет той гадости, которой заражены наши города и села…

Глава шестая
Скучно. Драматизма нет

Большая армейская палатка, в которой была оборудована аппаратная, светилась изнутри мерцающим голубым светом. У экрана монитора, едва не касаясь его носом, сидел Саркисян. Ему было жарко, и он прилепил к взопревшей лысине носовой платок. По обе стороны от него сидели звукорежиссер и монтажер. Чекота дышал Саркисяну в затылок. Шел заключительный этап подготовки первого выпуска «Робинзонады» к эфиру.

– Ну-ка, отмотай еще назад, – сказал Саркисян, тыча толстым, как сосиска, пальцем в экран.

Чернобородый техник переживал за сохранность компьютеров и монтажной аппаратуры, и потому болезненно переживал, когда ведущий оставлял жирные отпечатки на нежном стекле монитора. Прежде чем повернуть запись вспять, он приблизил свою бороду к экрану, любовно подышал на него и бережно протер мягкой ветошью.

– Еще, еще! – махал пальцами Саркисян и снова оставлял следы на экране. – Где он говорит про хлеб!

Техник недовольно сопел, но Саркисян не замечал его озабоченности. В сравнении с подготовкой передачи, все на свете сейчас было сущим пустяком. Техник снова подышал

на экран, снова протер его, и только потом остановил перемотку и нажал кнопку воспроизведения.

На экране появилось жизнерадостное лицо худого парня с Третьего острова. Сразу было видно, что он серьезно подготовился к записи. В отличие от других игроков, Ботаник сидел не на земле, а на жердочке, закрепленной в двух рогатинах. Перед ним ощетинился сучками импровизированный стол. Перебирая аккуратно разложенные образцы растений, Ботаник хорошо поставленным голосом рассказывал о свойствах каждого из них.

– … А это называется Scirpus lacustris, иначе – камыш озерный. Обратите внимание на стреловидную форму его стебля. Но в нашем случае ни стебель, ни эта колючая кисточка не имеют никакого практического применения…

Саркисян развел руками.

– Он что – лекцию вздумал читать? – произнес он, оглядывая коллег. – Точно ботаник! Этот просидит дольше всех, ручаюсь! Хоть бы его змея в задницу ужалила!.. Вы посмотрите – чешет, как по написанному! Он нам всех зрителей этой лекцией усыпит… Так, про колючую кисточку выкидываем! А где про хлеб-то?

– Дальше, – ответил из-за спины Чекота.

– Самое главное – это корневище, – продолжал Ботаник, с уважением приподнимая на ладони короткую желтую палку, похожую на обглоданный кукурузный початок. – Это настоящий кладезь крахмала и сахара. Даже если попробовать его

в сыром виде, язык сразу почувствует блаженную сладость…

– Во как! Понятно? – пробормотал Саркисян и поднял палец вверх, чтобы все присутствующие на всякий случай запомнили, где искать блаженную сладость.

– …Но лучших вкусовых качеств от корня камыша можно добиться в том случае, если его высушить, превратить в муку, затем смешать с небольшим количеством воды и добавить в качестве приправ чабрец и несколько капель сока рябины. Полученное тесто скатать в шарики размером с яблоко и запечь в золе. Получится своеобразный суррогат хлеба, весьма питательный и вкусный, который я намерен готовить каждый день…

– Стоп! – сказал Саркисян. – Бог ему в помощь, пусть готовит. А мы потом посмотрим, как он будет давиться этим питательным и вкусным хлебом. Все остальное – в корзину!

– Но он дальше неплохо рассказал про кофе из корня одуванчика, – возразил монтажер, худенький молодой человек в очках с толстыми линзами. Джинсы на его худом заду висели как на веревке для просушки.

– Обойдемся без кофе. Ставь Павлова. Он приноровился как-то хитро ловить рыбу голыми руками.

Пока перематывалась кассета, шоумены хранили молчание, уставившись в пустой экран. Техник нажал «play» и на экране появился рыболов Павлов в одних трусах. Он стоял по колени в воде, а за ним виднелась какая-то стреловидная конструкция, составленная из сотен палочек, воткнутых

в дно.

– Господа, я хочу представить вам уникальный способ ловли рыбы без удочки, сетки и остроги, придуманный и неоднократно усовершенствованный мною, что без преувеличения является настоящим переворотом в мировой технологии рыболовства. Для этого сначала надо найти место, где бы течение было наиболее сильным. В моем случае – это южная оконечность Четвертого острова…

– А этого нобелевского лауреата никак нельзя одеть? – спросил Саркисян, с искривленным лицом рассматривая длинные, до колен, трусы Павлова.

– Как одеть? – не понял монтажер.

– Обычно одеть! Не в смокинг, конечно, а в униформу. Подрисовать компьютером!

Монтажер задумался, хотя сразу был готов ответить, что ничего подрисовать уже нельзя, а проще переснять этот эпизод, только уже с одетым Павловым. Молчанием он хотел показать, что пытается спасти положение изо всех сил и, как истинный профессионал, перебирает в уме десятки вариантов.

– Подрисовать уже ничего нельзя, – наконец, ответил он.

– Что ж он перед всей страной в каких-то доморощенных трусах красуется? – возмущался Саркисян. – Люди еще подумают, что эти паруса в комплект нашей униформы входят. Почему не подсказал ему никто? Чего молчите?

Ему очень хотелось найти виновника неприглядного вида

гениального рыболова, но никто из присутствующих не хотел брать вину на себя. Группа молча досмотрела эпизод с ловлей рыбы до конца. Техник выключил монитор. Некоторое время в аппаратной стола гробовая тишина. Резюме, как и полагается, первым выдал Саркисян:

– Скучно… Драматизма нет. Все очень даже довольны своей жизнью. Один все время спит, как в вытрезвителе. Вторая балдеет от экологии. Третий вкусный и питательный хлеб выпекает, четвертый рыбу ведрами таскает… Не понятно только, за что мы им миллион собираемся платить? Это они нам должны платить за такой отдых! Правильно я говорю?

Коллеги закивали головами.

– Хоть бы затяжные дожди начались, что ли? – вздохнул Саркисян и поднялся из-за стола. – У меня уже башка просто раскалывается. Пойду я к себе, буду лечиться коньяком до посинения.

Глава седьмая
Легкий аромат дешевого шампуня

Ворохтин ночевал в машине «скорой помощи», арендованной на время проведения робинзонады. И хотя ему была выделена койка в большой жилой палатке, он предпочитал одиночество. Перед сном, когда на озеро опускалась звездная ночь, и в лагере вспыхивали костры, он любил развалиться в кресле водителя, включить тусклую лампочку дежурного освещения и, вооружившись баночкой пива, полистать исторический роман.

Шел второй вечер, как был дан старт соревнованиям. Ворохтин, читал скучный роман о Колумбе, но мысли его часто перелетали с Нового Света на мелкие острова, раскиданные по карельскому озеру. Ворохтин пытался представить, что сейчас делают участники соревнований, добровольно обрекшие себя на одиночество. Каково им сейчас, прохладной ночью, вдали от людей и цивилизации? Сидят каждый у своего костра, с тоской глядя в огонь и прислушиваясь к голодному урчанию в животе? Или завернулись в одеяла, закопались в ворох еловых веток, стараясь сохранить тепло и уснуть?

Он представил, какие чувства испытал бы, окажись один на необитаемом острове? Страха не было бы точно. Нервы Ворохтина привыкли к стрессовым ситуациям на Кавка-

зе, Нефтегорске и Ленске, эмоции притупились от изобилия ужасных зрелищ. И к одиночеству, увы, он тоже привык. С женой они не жили вместе уже несколько лет. Развод не оформляли – это не прибавило бы им свободы, и потому жаль было тратить время на пустую формальность. Холод он переносил неплохо и, в отличие от своих коллег, в Якутии сильно не страдал из-за мокрой одежды и обуви. Наверное, только голод причинил бы ему серьезный дискомфорт. Голод, а не отсутствие гастрономических изысков! Если бы лепешками из корней камыша, в самом деле, можно было бы наесться! Но Ворохтин прекрасно знал, что это сказка, пустая бравада. Скудным подножным кормом маленьких островов можно было лишь на некоторое время продлить биологическое существование. А личность станет деградировать уже через сутки. Два, три дня спустя Ботаник с оптимистичным блеском в глазах будет говорить уже совсем другие слова. Голод сделает его своим рабом. Все мысли парня будут парализованы. Он не сможет ни думать, ни говорить о чем-либо, кроме еды. Колбаса, яичница, борщ, отбивные будут сниться ему каждую ночь, изматывая нервную систему и желудок. Воля его будет таять вместе с остатками питательных веществ в его крови. Ни насыщенные крахмалом стебли тростника, ни богатые витаминами ягоды облепихи, ни салат из листьев одуванчика не восстановят его силы. И наступит момент, когда он скажет: я больше не могу. Я хочу есть. Я хочу жрать! Я хочу утопиться в котле с овсяной кашей, лечь

на дно и широко раскрыть рот!! И его снимут с острова, и Саркисян будет ходить вокруг него и комментировать: «Вы только посмотрите, какой у него аппетит! Посмотрите, как он ест!» И камера будет снимать бледного жалкого человечка с безумными глазами, который жадно рвет зубами курицу, давясь, глотает большие куски, заталкивает в полный рот хлеб, пытается запить соком, но все вываливается, выливается из его рта…

Ворохтин услышал негромкий стук в стекло и оторвал взгляд от книги, которую, впрочем, не читал. Стекла внутри кабины отражали свет лампочки, и он не увидел того, кто стучал. Открыл дверь. Щурясь, из темноты к нему шагнула журналистка.

– Добрый вечер! – застенчиво произнесла она, чуть опустив голову, чтобы свет не так резал глаза. – Может, я не вовремя…

«А-а! Любительница сенсаций!» – подумал Ворохтин с неким злорадством, словно поймал хищную птицу или мелкого трусливого зверька, который долгое время крал у него из сумки продукты. Он с хлопком закрыл книгу и кинул ее на соседнее сидение.

– Почему же! Очень вовремя! – охотно ответил Ворохтин.

– Я хотела взять у вас интервью…

– Интервью? Конечно! Я очень люблю давать интервью! Напомни-ка мне твое имя?

– Кира.

– Кира? Замечательно. Садись рядом. Я отвечу на все твои вопросы!

Девушка обрадовалась, что спасатель, который казался ей мрачным и несговорчивым человеком, так быстро пошел на контакт. Она обошла машину, села на соседнее сидение и стала вытаскивать из кофра диктофон.

– Какую газету ты представляешь? – вкрадчивым голосом поинтересовался Ворохтин.

– Журнал «Экстремал»… Правда, я еще не в штате. У меня испытательный срок.

– Понимаю, – кивнул Ворохтин. – Тебе надо показать себя с наилучшей стороны. Заставить, так сказать, всю редакцию вздрогнуть. Ввести главного редактора в состояние глубокого психоэмоционального шока.

Кира с любопытством и некоторой настороженностью поглядывала на Ворохтина. Этого человека с короткой стрижкой и слегка деформированным носом, что делало его похожим на боксера, вряд ли можно было назвать красивым, и все же в его облике было что-то притягательное. С первого дня появления в лагере Кира обратила на него внимание, но долго не могла набраться смелости подойти к нему первой и заговорить. Она ни разу не видела, чтобы спасатель принимал участие в ежевечерних попойках, в которые с удовольствием погружался весь персонал телешоу, не знала, как он улыбается или смеется. По утрам, выбираясь в туманное и прохладное утро из своей палатки, Кира видела, как Ворох-

тин бегает по берегу, отжимается, приседает, а потом купается в озере. Она готовила кофе в термокружке на портативной газовой горелке и исподлобья смотрела, как он докрасна растирает полотенцем крепкий торс, долго и неторопливо расчесывается, глядя на встающее из тумана пурпурное солнце. Наконец, она набралась смелости и решилась познакомиться с ним. Выбрала, как ей казалось, удачный момент, когда Лагутин не вышел на связь. Уговорила Саркисяна, чтобы он разрешил ей отправиться вместе со спасателем на Второй остров. Но реакция Ворохтина на ее появление в лодке спутала все ее планы.

Тем не менее, его грубость лишь распалила ее любопытство. Что ж это за человек с душой темнее потемок?

– Наверное, десятки людей благодарны вам за свое спасение? – спросила Кира и включила диктофон. Ей хотелось, чтобы разговор с Ворохтиным меньше всего напоминал интервью. Но репортерского опыта было мало, она не могла расслабиться и навязчиво думала о следующем вопросе.

– Десятки? – удивился Ворохтин и пожал плечами. – Я не считал. Меня это совершенно не интересует.

– Разве вам не интересно, сколько людей вы спасли?

– Нисколько. Меня интересуют только деньги. Вы думаете, что я филантроп, и лезу в огонь, воду или в снежные лавины ради морального удовлетворения? Как бы не так! Я сначала разговариваю с родственниками тех, кто попал в беду. Начинаю торговаться. С бедных беру поменьше, с бога-

тых – побольше. Например, вытаскивание головы человека из отечественного унитаза стоит двести пятьдесят баксов. А из немецкого – уже семьсот. Скупые, увы, получают только бездыханные тела.

Кажется, Кира уже не обдумывала следующий вопрос, а внимательно слушала Ворохтина, и все же до нее не совсем доходил смысл его слов.

– А если родственников поблизости нет, – продолжал Ворохтин, вскрывая упаковку фисташек, – то я ищу журналистов. Или договариваюсь с каким-нибудь телевизионщиком. «Хочешь, – говорю, – крутой репортаж? Триста баксов на лапу, и я сейчас, как Джеймс Бонд, в огонь прыгну!» Желающих, между прочим, хоть отбавляй.

Кира слушала его, раскрыв рот.

– Один раз на горной дороге под Сочи представители трех разных телеканалов из-за меня между собой подрались, – продолжал Ворохтин, кидая в рот орешек. – Вот хохма была! Я стою и жду, кто больше отстегнет, а они треногами друг друга мутузят! А автобус с пассажирами в это время висит над пропастью. Он за дерево зацепился, а дерево уже трещит, прогибается. Всё решают секунды. Пассажиры визжат от страха, пытаются из окон выпрыгивать, а я семечки лузгаю. Такие истории, конечно, случаются не часто, но зато я снимаю крупный куш. Счет идет на десятки тысяч баксов. Я на веревке подползаю к автобусу и спрашиваю: «Кто жить хочет – деньги вперед!» Хочешь верь, хочешь нет, но из окон

пухлые бумажники как голуби из голубятни вылетают.

Кира медленно изменилась в лице. Наверное, ей стало жарко, и она машинально развязала свой монашеский платок и стянула его с головы. Оказывается, она не была лысой, но прическа у нее была нелепой. Постриженные неровными прядями, волосы торчали во все стороны, причем в некоторых местах они были выкрашены светло-коричневой, почти красной краской.

– Как же так? – произнесла она, внимательно рассматривая лицо и глаза Ворохтина. – Неужели вы можете вот так спокойно…

– А как же, голубушка! Се ля ви! Дураков нет рисковать собой ради зарплаты. Но ты не волнуйся, я с тебя деньги брать не буду. Я их из Саркисяна вытряхну. Он хочет душераздирающие эпизоды, и он их получит. Знаешь, что мы придумали? Если кому-нибудь из участников станет хреново, мы не будем торопиться. Подождем, пока не начнется агония. Отснимем человеческие муки по полной программе, а уж потом, если, конечно, не будет поздно, я окажу медицинскую помощь.

Кира выключила диктофон и опустила глаза. Она сидела неподвижно, не зная, спрашивать ли Ворохтина о чем-нибудь еще.

– Ты, кстати, не упусти свой шанс! – после недолгой паузы добавил Ворохтин, снова кидая в рот орешек. – Там, в моторке, я еще не знал, кто ты. Теперь ясно, что не конку-

рент. Так что снимай на фото все подряд. Причем крупным планом. Кровоточащие от укусов комаров лица. Выдранные с мясом ногти. Или, скажем, портрет робинзона, поедающего на завтрак крысу… Поверь, эти снимки у тебя с руками оторвут. Сделаешь себе имя и деньги заработаешь.

Ворохтин надкусил скорлупу фисташки, сплюнул ее на ладонь и выкинул в открытое окно.

– Еще вопросы есть? – спросил он.

Кира растерянно покачала головой, торопливо затолкала диктофон в кофр и, застегивая его на ходу, выбралась из машины. Она захлопнула за собой дверь, и Ворохтин сразу перестал ее видеть.

«Не перестарался?» – мысленно спросил он себя, снял с панели белый платок, забытый Верой, зачем-то поднес его к лицу и втянул носом легкий аромат дешевого шампуня.

Глава восьмая
Нехорошо сдаваться первым

Вторая, как и первая ночь на острове, была для Бревина ужасной. О третьей он даже думать боялся. Весь день он провалялся на прогретом солнцем песчаном утесе, кутаясь в одеяло, и все никак не мог согреться. Полудрема сменялась глубоким беспамятством, а когда Бревин пробуждался, то с испугом вскидывал голову, дурными глазами оглядывал кусты, деревья и играющую солнечными бликами поверхность озера, и со стоном ронял голову на одеяло.

Робинзонада оказалась не такой, какой он ее себе представлял. Точнее сказать, его способности пережить ее оказалась совершенно иными. Да и способностей, по большому счету, не обнаружилось. Холодные ночевки попросту убивали его. Еще никогда в жизни Бревину не доводилось спать в лесу, на тонком одеяле, под открытым небом, и потому он даже предположить не мог, какая это невыносимая пытка.

Он едва дождался утра. Опухший, охрипший, страдающий от боли в спине и суставах, он даже не смог заставить себя умыться, и сразу же принялся разжигать костер. Хворост, который он подобрал с травы, оказался сырым от росы, и не хотел воспламеняться. Тогда Бревин попытался срубить тесаком сухие ветви у сосны, но первым же ударом сильно

поранил себе палец. Вскрикнув от боли, он зашвырнул тесак в девственную траву, высокую и густую, и найти его потом уже не смог.

Кровь капала из его пораненного пальца, как вода из прохудившегося крана. Бревин смотрел по сторонам и не мог найти ничего, что заменило бы бинт. Тогда он намотал на палец нижний край куртки и ходил так по острову, время от времени выкрикивая страшные ругательства неизвестно в чей адрес.

К полудню Бревин не мог думать уже ни о чем, кроме как о еде. В нормальной жизни ему никогда не приходил в голову бред под названием диета. Своей несколько тяжеловесной фигурой Бревин не тяготился. Напротив он берег и лелеял ее, как важный и необходимый атрибут социального положения. И потому состояние голода было ему незнакомо в той же степени, как, скажем, состояние невесомости. Это было второе, не менее шокирующее открытие, за минувшее сутки – голодание, оказывается, ужасно и крайне неприятно.

Стойкая привычка с легкостью решать все житейские проблемы, с которыми Бревин ежедневно сталкивался в нормальной жизни, не позволила ему впасть в крайнюю степень уныния. Он даже представить не мог, что в самое ближайшее время не наладит на острове достойные условия жизни. Быть такого не могло, чтобы он, Александр Бревин, заместитель директора фирмы, торгующей трубами, ходил голодным и продрогшим! Да в его жизни никогда не существовало пре-

град! Он ставил перед собой цели и добивался их. Он удовлетворял любые свои желания, чем вызывал зависть знакомых и соседей. Он научился быстро и без усилий снимать нерешенные проблемы либо телефонным звонком, либо легким движением пальцев, в которых была зажата денежная купюра. И здесь, на этом вшивом острове, он должен показать свою силу, деловой ум, умение быстро и точно реагировать на любое изменение обстановки.

Должен, должен! С неукротимым желанием что-то немедленно и радикально изменить, но не допустить повторения страшных ночей, Бревин ходил по острову, и на лице его застыло то строгое и властное выражение, с каким каждое утро он появлялся в своем офисе. Руку с порезанным пальцем он держал в кармане куртки и морщился от боли всякий раз, когда машинально пытался снять с поясного ремня трубку сотового телефона, чтобы позвонить, кому надо, и навести порядок.

Он обошел по периметру весь остров и вдруг понял, что подсознательно ищет то ли магазин, то ли гостиницу…

«Черт возьми! – подумал он, вдруг с необычайной ясностью осознав, где находится. – Как же тут можно жить?»

Он пнул ногой пакет, который ему вручили перед стартом, и оттуда вывалились котелок, рация и сигнальная ракетница. Бревин поднял ракетницу, покрутил ее в руках и зачем-то понюхал выходное отверстие.

«Они что, вообще сюда приезжать не будут? – подумал он,

садясь на одеяло и глядя на берег, едва заметный в туманной дали. – Идиотские правила! Уж кормить могли бы! Не объяснили ничего толком, заморочили голову…»

Последняя мысль оказалась удивительно приятной и почему-то вызывала те же эмоции, какие Бревин испытывал в ресторанах, ожидая, когда официант принесет заказ. Он опустил глаза и стал рассматривать ракетницу. «Интересно, – подумал он. – Из чего она сделана? Метров на пятьдесят точно взлетит. А может, и на все сто. Если, конечно, у этой хренотени не вышел срок годности…»

Бревин попытался найти на корпусе какие-нибудь данные о сроках хранения, но пластиковая трубка была чистой, без букв и рисунков. «А ведь наверняка же вышел срок хранения! – с уверенностью подумал Бревин. – На всем экономят, гады. Ловко устроились! Отправили людей на острова подыхать с голоду, а сами жируют на берегу, да еще деньги от рекламодателей лопатами гребут».

От свежего озерного ветерка ему стало зябко, и Бревин накинул на плечи одеяло.

«Эх, попутал меня бес ввязаться в эту авантюру! – поругал он себя. – И ради чего? Ради какого-то миллиона рублей? Да я при удачной сделке такие бабки за неделю подниму! И при этом ни голодать, ни спать на улице не надо будет. Кому я хотел доказать, что смогу просидеть на острове? Ритке?»

Воспоминание о длинноногой подруге, работающей в массажном кабинете салона красоты, заставило Бревина нахму-

риться и сплюнуть.

«Тоже сучка приличная! – подумал он. – Нет, чтобы остановить, отговорить. Черта с два! Езжай, милый, подыхай на необитаемом острове, зарабатывай миллион на Канары… Цапля тонконогая! Привыкла, что все в жизни ей задарма достается. Что платья, что косметика, что «пежо». Привыкла сидеть на моей шее, свесив ножки…»

Кажется, Бревин нашел первопричину и его неудачного дебюта в качестве робинзона, и холодных бессонных ночей, и пустого желудка. «Что ж это получается? – распалял себя Бревин. – Я, как последний бомжара, сплю на земле, накрывшись каким-то вонючим одеялом, а она в это время нежится на перинах итальянской спальни? И с нетерпением ждет, когда меня покажут по телевизору, чтобы вместе со своими глупыми подружками вволю посмеяться? А потом, как само собой разумеющееся, поедет на мой миллион коптить свой худой зад на Канары?»

Не справившись с гневом, Бревин вскочил на ноги, кинулся к воде и, глядя на туманный берег, вскинул кулак вверх.

– Хрен тебе, а не Канары! – закричал он. – Хрен!! Хрен!! Хрен!!

Злость помогла ему на некоторое время обрести прежнюю твердость духа. Вернувшись к одеялу, Бревин сел на него и крепко задумался.

«А в чем, собственно, проблема? – вдруг прямо спросил он себя, испытывая нечто невообразимо приятное. – Зачем

я сам себя мучаю? Мне это надо? Да пропади этот остров пропадом! Позабавился немного и хватит! Не для того я как конь пашу с утра до вечера, чтобы валяться под деревом и пухнуть с голода! Пусть бездельники и бомжи на этом острове сидят. А я человек цивилизованный, создавший себе достойные условия жизни своим умом и трудом!»

Упиваясь счастливым светом, хлынувшим в его душу, Бревин схватил ракету и уже хотел было свинтить колпачок, как движения его застопорились, и он медленно опустил руки на колени.

«Нехорошо получается, – отравляя себе настроение, подумал он. – Меня снимут с острова и на всю страну опозорят, вот, мол, полюбуйтесь, этот чмошник сдался первым. Даже раньше, чем Лена, пустил сопли. А Ритка, стерва, наверняка обхохочется перед телевизором. Как ей потом в глаза смотреть? Она ж издеваться станет! Скажет: домой захотел, пупсик? Надеюсь, драгоценный жирочек не растерял? А попочку не застудил? А то смотри, она у нас чихать станет!»

Унижение, которое нарисовал в своем воображении Бревин, было просто убийственным. У него напрочь отпала охота вызывать моторную лодку. Накинув одеяло на голову, как беженец, он снова принялся бродить по лесу. В дубовом дупле, как в кастрюле, скопилась дождевая вода, и Бревин с наслаждением высосал ее при помощи сухой соломинки.

«Хоть бы кто-нибудь вышел из игры! – подумал он. – Сдаваться вторым уже не так позорно…»

Он вышел на восточный берег, поросший тростником, и долго смотрел на соседний остров, на котором обитал пенсионер Павлов.

Глава девятая
Нервы, как струны

Это был первый дождливый день с начала робинзонады. Дождь был мелкий, и при полном отсутствии ветра казалось, что в воздухе висит водяная пыль. Пейзаж изменился до неузнаваемости. Поверхность озера, обычно голубая, покрытая легкими морщинками волн, сейчас напоминала огромное матовое стекло. Горизонт словно закрасили серой краской. Притихли некогда яркие, насыщенные цвета леса. Остро запахло сочной зеленью.

Ворохтин лежал на носилках в салоне «скорой» и разговаривал по телефону с женой.

– Я улетаю в Ниццу, – сказала она, неимоверно растягивая гласные. – Буду готовить выставку модернистов. Так что ты не очень волнуйся.

– Я не буду очень волноваться, – пообещал Ворохтин.

– Ты сейчас далеко? – голосом умирающей произнесла жена.

– В Карелии…

Он не стал спрашивать, где сейчас она. Знакомые звуки посуды, телевизора, кофемолки говорили сами за себя. Конечно же, она на кухне. Готовит утренний кофе. Самое время! Первый час дня!

Ворохтин отчетливо представил себе Элю. Высокая, тонкая, болезненная, с вечными мешками под глазами, она неторопливо ходит по квартире в длинном халате, теплых и мягких тапочках, держа в одной руке пепельницу, а в другой – сигарету в мундштуке. Между ухом и плечом зажата трубка радиотелефона. В квартире вечный беспорядок, свойственный профессиональным дизайнерам. На многочисленных полочках стоят расписные пыльные тарелки, черные статуэтки, витиеватые, покрытые лаком корни деревьев и ветки, тряпичные куклы, керамические вазочки, миниатюрные копии Биг Бэна и Эйфелевой башни и прочий заграничный хлам, который Ворохтин на заре семейной жизни тщетно пытался выкинуть из квартиры. Лицо жены помятое, землистого цвета, волосы взлохмачены. Она часто затягивается, покашливает. Естественно, кофе убегает, и кухня наполняется густым дымом. Эля неторопливо снимает полупустую турку с грязной, никогда не мытой плиты, выливает в крохотную японскую чашечку остатки кофе и, стоя у окна, маленькими глотками пьет. Лохматый персидский кот шлифует ее ноги, потом беззвучно валится на кафельный пол и долго не подает признаков жизни…

– Тогда, па! – вяло сказала жена.

– Па! – ответил Ворохтин и отключил телефон.

Последний год он жил отдельно, и в квартиру жены не заходил. Он знал, что несколько раз в ее доме появлялись мужчины – художники, критики, такие же странные и чудакова-

тые, как и она. Но ни один из них надолго не задержался.

Иногда Ворохтину становилось мучительно жалко Элю, но это было единственное чувство, какое он к ней еще испытывал.

Едва он затолкал телефон в карман безрукавки, как в машину заглянул помощник режиссера Гвоздев.

– Саркисян зовет! Четвертый остров на связь не вышел…

Ворохтин схватил сумку с красным крестом и выскочил из машины. На берегу происходило что-то необъяснимое. Одна из моторных лодок медленно дрейфовала вдоль деревянного причала, а Кира, сидящая в ней, как заводная дергала тросик, пытаясь запустить мотор. Техники стояли на причале, размахивали руками и в один голос кричали:

– К берегу давай! Веслом греби! Веслом, тебе говорят!

Кто-то услужливо держал над Саркисяном зонтик, и Ворохтин не сразу увидел главного режиссера.

– Ничего не понимаю! – нервничал Саркисян, наблюдая за развитием событий. – Что она делает? Куда ее понесло?

Он тотчас требовательно посмотрел на Ворохтина, будто тот мог знать ответ. Чекота заботливо придерживал полиэтиленовую пленку, которой была накрыта камера, хотя сам уже вымок до нитки. Но он стоически терпел пытку холодными каплями, сползающими по его щекам на дрожащую козлиную бородку.

– Не надо заводить! Веслом подгребай! – кричали мужики с причала.

– Она что, спятила? – все никак не мог найти ответа Саркисян. – Зачем она это делает?

Тут Ворохтин догадался, что все это значило. Кира пыталась в одиночку отправиться на Четвертый остров, но не смогла завести мотор. Но почему одна?

Тут дрейф моторки благополучно завершился, лодка ткнулась кормой в причал, и стоящие на нем мужики тотчас ухватились за швартов. Кира опустила голову и осталась неподвижно сидеть на скамейке. Капюшон, потемневший от воды, закрывал ее лицо, и девушка напоминала грузинскую вдову, скорбящую над могилой мужа.

– Поехали! – скомандовал Саркисян и покатился на причал. Помощник Гвоздев поспешил следом, добросовестно прикрывая лысину шефа от дождя раскрытым зонтиком.

Чекота, Саркисян и Гвоздев по очереди запрыгнули в лодку. Кира всем мешала, но даже не пыталась пересесть. Ворохтин со своей громоздкой сумкой забрался в лодку последним.

– Ты чего хулиганишь? – строгим голосом спросил Саркисян у Киры, отчитывая ее, как школьницу. – На берег высадить?

Кира молча покрутила головой.

– Она хотела остросюжетный репортаж отснять, – объяснил Ворохтин, включая зажигание и запуская мотор.

Кира кинула на него колючий взгляд, но возражать не стала. Моторка понеслась по серой, неподвижной поверхности

озера.

– По рации пытались с ним связаться? – спросил Ворохтин у Саркисяна.

– Пытались… Сидит, наверное, в шалаше, под дождь выходить не хочет.

– Наблюдатели не проморгали сигнальную ракету?

– А кто его знает? Может, и проморгали…

Лодка проскочила мимо Первого острова. Над берегом низко стелился густой белый дым. Похоже, что дождь с успехом душил костер Лены, а она безуспешно пыталась его оживить.

На острове Лагутина признаки жизни не были заметны. Ни отблесков костра, ни дыма. Между стволов деревьев мелькнули контуры конического шалаша с крепкой крышей из древесной коры.

Ворохтин взял круто вправо, и моторка понеслась в пролив между Вторым и Третьим островами. Выскочив на чистую воду, лодка взяла курс на узкий и длинный, как сигара, Четвертый остров.

– Пора кончать с этим! – объявил Саркисян. – Если каждый будет регулярно пропускать сеансы связи, мы на бензине разоримся! Высаживаемся на берег и снимаем Павлова с соревнований. Верно я говорю?

В ответ только Гвоздев кивнул. Кира чуть подалась вперед, вглядываясь в серую мглу, откуда медленно проявлялся абрис Четвертого острова. Она напоминала охотничью соба-

ку, взявшую след дичи. Помощник ведущего Гвоздев, студент ВГИКа, уже хорошо освоивший науку подхалимажа, сложил зонтик, от которого уже не было толку, и заботливо поинтересовался у Саркисяна, не дует ли ему в лицо. Саркисян ничего не ответил, он держал за козырек кепку, которую норовил сорвать крепкий сырой ветер.

– Что-то не видать, – пробормотал Чекота, когда моторка, сбавив ход, медленно поплыла вдоль берега острова.

– Спит, сукин сын! – уверенно произнес Саркисян и тотчас приосанился. – А ведь из этого получится неплохой эпизод! Спасатель бежит на помощь человеку, ищет его, видит залитый дождем костер, воткнутый в дерево тесак, валяющуюся в траве рацию… Ситуация нагнетается. Зритель ждет какой-нибудь страшной развязки, но… камера снимает шалаш, откуда доносится громкий храп. Идет наезд, и мы видим спящего нобелевского лауреата… Ворохтин!

Саркисян обернулся и поднял вверх указательный палец.

– Ты слушаешь? Эту, в первую очередь, касается тебя!

– Сначала я должен убедиться, что с Павловым ничего не случилось, – ответил Ворохтин.

Саркисян покачал головой.

– Он опять в эту же дудку! Да что с твоим Павловым может случиться?

– Высадите меня на берег! – вдруг взмолилась Кира.

– Сейчас, дочка, сейчас! – ответил Саркисян, оглядывая заросли камышей. – Не лезь вперед батьки… А это что та-

кое? Осторожнее!

Ворохтин уже успел заметить, что по курсу лодки из воды торчат колышки, образуя нечто похожее на большую стрелу с треугольным наконечником.

– Это запруда, которую он показывал во время сеанса связи! – сказал Ворохтин.

– Замечательно! – еще более оживился Саркисян и толкнул оператора. – Камера готова? Начинай!

Гвоздев раскрыл зонтик. Чекота взвалил камеру на плечо и прильнул к окуляру видоискателя. Лодка на малой скорости приблизилась к запруде.

– Павлов! – крикнул Ворохтин, оглядывая пологий песчаный берег.

– Не кричи! – махнул на него рукой Саркисян. – Разбудишь… Ребята, все делаем тихо. Сначала в кадре спасатель. Он выбегает на берег, замечает на песке следы, и мчится по ним вглубь острова… Здесь очень важно подобрать соответствующий звуковой ряд…

– Смотрите!! – вдруг пронзительно крикнула Кира, показывая пальцем куда-то вперед.

– А что там? – стал крутить головой Саркисян.

– Плавает что-то… – неуверенно ответил Гвоздев, протер глаза и снова посмотрел на запруду.

Еще никто не разобрался, что привлекло внимание девушки, как Ворохтин заглушил мотор и спрыгнул с лодки. Ухнув в воду по пояс, он насколько мог быстро пошел к пла-

вающему на поверхности воды предмету, схватил его обеими руками и потащил к берегу.

– Мотор!! – опомнился Саркисян. – Где микрофон?! Черт возьми, почему он еще не готов?

Суетясь, Гвоздев едва не перевернул лодку. Чекота направил объектив на Саркисяна. Тот уже вошел в роль и голосом паникера торопливо заговорил:

– И вот Четвертый остров… Спасатель вытаскивает на берег какой-то предмет, обнаруженный нами только что. Может, он прольет разгадку…

– Мамочка… – прошептала Кира. – Это человек!

– Человек?! – артистическим голосом воскликнул Саркисян, тоже поворачиваясь лицом к берегу. – Да, действительно. Этот предмет здорово смахивает на человека. Но кто он? Что с ним случилось? Спасатель хладнокровно продолжает выполнять свою работу. Создается впечатление, что он идет в теплой воде. А ведь вода в озере практически ледяная!.. Вот спасатель вытаскивает человека на песок. Какой ужас! Мы видим знакомую униформу… Никаких сомнений! Никаких! Это Павлов!.. Сейчас оператор приблизит картинку, и вы сможете сами убедиться, что это игрок под номером четыре!.. Но что с ним случилось? Он без сознания?..

Ворохтин опустился на колени перед неподвижным телом, торопливо расстегнул пуговицы на куртке и прижался ухом к груди. Он застыл в такой позе на несколько мгновений, затем резко выпрямился, провел ладонью по лицу Пав-

лова, приоткрыл его веки…

– Что же с Павловым? Что же? – надрывным голосом говорил Саркисян в микрофон. – Сейчас спасатель вынесет свой вердикт. Я даже боюсь высказать предположение. У всех нервы натянуты до предела. Кажется, что еще секунда – и они лопнут, как струны…

Ворохтин медленно поднялся на ноги.

– Павлов мертв, – сказал он.

Глава десятая
Удовлетворение толпы

– Павлов мертв! – едва ли не восторженно повторил Саркисян. – В это трудно поверить, но это факт. Наша экстремальная игра выдала первую жертву!.. От волнения мне трудно говорить. Перед нами остров-убийца. Его географическое название – Падыш. Площадь – три квадратных километра. Этот остров открыл счет жертвам робинзонады!.. А сейчас мы прервемся для рекламного блока. Оставайтесь с нами! Мы покажем все подробности.

Саркисян опустил микрофон и вытер платком мокрое от дождя лицо.

– Замечательно, – произнес он. – Ворохтин молоток, сыграл, как надо… Греби к берегу!

Последние слова были обращены к помощнику, который с раскрытым ртом пялился на берег. Кира с недоумением посмотрела на Саркисяна.

– Вы говорите – сыграл? – произнесла она. – А разве… разве все это игра?

– Что наша жизнь? Игра… – пробормотал Саркисян задумчиво, голодными глазами глядя на остров, как бездомная псина смотрит на колечко колбасы. – А ты не спи, щелкай, щелкай фотоаппаратом! Твое дело щелкать…

Гвоздев несколько раз сильно взмахнул веслом, и моторка ткнулась носом в прибрежный песок. Он первый спрыгнул на берег и подал Саркисяну руку.

– Теперь надо снять лагерь и поэтапно восстановить картину несчастного случая! – сказал Саркисян, проходя мимо лежащего на песке Павлова и даже не глянув на него. – Быстрее, погода портится! Микрофон мне!

Кира сошла с лодки последней. На ее лицо страшно было смотреть. Если бы она попала в сумасшедший дом и долгое время не могла оттуда выбраться, то наверняка выглядела бы так же. Не в силах оторвать взгляда от бездыханного тела, она приблизилась к Ворохтину и негромко спросила:

– Это правда?

Лицо спасателя было мрачнее тучи. Он пытался набрать номер на мобильном телефоне, но связь была неустойчивой и все время срывалась.

– Что – правда? – раздраженно переспросил он.

– Он… умер?

– Он уже окоченел, – едва разжимая зубы, ответил Ворохтин и пошел вслед за Саркисяном.

Кира продолжала смотреть на босоногий труп, распростертый на мокром песке. Она вспоминала, как еще вчера видела лицо Павлова на экране монитора. Рыбак строил планы на будущее и обстоятельно рассказывал перед телекамерой о своем уникальном способе ловле рыбы. Обходя покойника на почтительном расстоянии, она едва не наступила на

пару высоких ботинок, стоящих рядышком на песке. Осмотрелась, чтобы, не дай бог, еще на что-либо не наступить. Потом торопливо вынула фотоаппарат из кофра и сделала несколько снимков: покойник, пустынный пляж, моторка…

Саркисян уже комментировал перед камерой то, что видел в лагере:

– Вот его жилище… Как видите, Павлов не слишком беспокоился о комфорте. Крыша выложена из листьев лопухов. Подстилки под одеялом никакой… По всей видимости, он сначала решил построить запруду, чтобы обеспечить себя едой, а потом уже обустроить шалаш. Увы, его планам не суждено было сбыться. Загадочная смерть внезапно оборвала его жизнь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.